

Научная статья

УДК 903. 25

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-3-74-88

Снаряжение верхового коня из средневекового погребения на реке Иджим в Усинской котловине

Петр Борисович Амзараков¹
Игорь Павлович Лазаретов²
Андрей Владимирович Поляков³
Олег Андреевич Митько⁴

¹ АНО «Археология Хакасии»
Черногорск, Россия

^{2,3} Институт истории материальной культуры
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия

⁴ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ petr_amzarakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4094-9459>

² lazaretov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9054-6220>

³ poliakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3418-2469>

⁴ omitis@gf.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>

Аннотация

Статья посвящена анализу 78 предметов конского снаряжения из средневекового захоронения женщины и новорожденного ребенка. В набор входила пара железных стремян, одно из которых инкрустировано серебром. Его аналогии отмечены в средневековых памятниках Минусинской котловины, за ее пределами на территории Горного Алтая, Восточного Казахстана и Восточной Монголии. Со стремянами были обнаружены железные удила с витыми звеньями и бронзовыми позолоченными псалями S-видной формы.

В состав декоративно-функциональных деталей упряжи входили бронзовые позолоченные пряжки и наконечники ремней, накладные фестончатые бляшки и бляшки с изображением восьмилепесткового цветка. Среди крупных подвесных блях выделяется бляха с изображением двух изогнутых в прыжке кошачьих хищников. Все предметы имеют архаичный облик и до совершения погребения могли считаться «семейной реликвией».

Ключевые слова

Южная Сибирь, Средневековье, курган, погребение со шкурой коня, стремяна, уздечный набор

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности, проект № FSUS-2025-0009 (О. А. Митько), проект № FMZF-2025-0008 (И. П. Лазаретов, А. В. Поляков).

Выражаем искреннюю благодарность старшему научному сотруднику отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хаврину за помощь в подготовке данной публикации.

Для цитирования

Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Митько О. А. Снаряжение верхового коня из средневекового погребения на реке Иджим в Усинской котловине // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 3: Археология и этнография. С. 74–88. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-3-74-88

© Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Митько О. А., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 3: Археология и этнография. С. 74–xx

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 74–xx

Riding Horse Equipment from a Medieval Burial on the Idzhim River in the Usinskaya Basin

Petr B. Amzarakov¹, Igor P. Lazaretov²
Andrei V. Poliakov³, Oleg A. Mitko⁴

¹ ANO “Archaeology of Khakassia”
Chernogorsk, Russian Federation

^{2,3} Institute for the History of Material Culture
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

⁴ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ petr_amzarakov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4094-9459>

² lazaretov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9054-6220>

³ poliakov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3418-2469>

⁴ omitis@gf.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7741-3167>

Abstract

Purpose. This article analyzes 78 pieces of horse equipment from a medieval burial of a woman and a newborn child. A silver-inlaid iron stirrup stands out among the rest.

Results. Ornamentation covers both sides of the stirrup neck, the bows, and the inner and outer sides of the footrest. Its shape is typical of Turkic antiquities, but the style of the depiction is linked to Chinese decorative art. Similar stirrup bits have been found in medieval sites in the Minusinsk Basin, and beyond, in the Altai Mountains, eastern Kazakhstan, and eastern Mongolia. Iron bits with twisted links and cast bronze gilded cheekpieces in an S-shaped pattern. One has a boot-shaped end, the other has a simple end. The decorative and functional harness components included bronze, gilded, solid-cast buckles and strap tips of varied shapes and ornamentation, crafted using hand embossing. Applied plaques decorated with eight-petaled flowers and scalloped petal-shaped plaques also have close parallels in horse burials in Mongolia, the Altai Mountains, and Tuva. Bronze cast pendant plaques include examples of smooth, tinned plaques and ornamented, gilded ones. Among them, a relief plaque depicting two feline predators arched in a leap stands out.

Conclusion. The entire set of items constitutes a complete set of riding horse equipment. They have an archaic appearance and could be preserved for a long time as “family heirlooms”. Their popularity in nomadic society as an indicator of social prestige dates back to the 8th – 9th centuries.

Keywords

Southern Siberia, Middle Ages, burial mound, burial with horse skin, stirrups, bridle set

Acknowledgements

The study was conducted within the framework of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the field of scientific activity, project no. FSUS-2025-0009 (O. A. Mitko), project no. FMZF-2025-0008 (I. P. Lazaretov, A. V. Polyakov)

We express our sincere gratitude to S. V. Khavrin, Senior Researcher, Department of Scientific and Technical Expertise, State Hermitage Museum, for his assistance in preparing this publication.

For citation

Amzarakov P. B., Lazaretov I. P., Poliakov A. V., Mitko O. A. Riding Horse Equipment from a Medieval Burial on the Idzhim River in the Usinskaya Basin. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 74–88. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-3-74-88

Введение

В предыдущие годы в двух номерах «Вестника НГУ» были опубликованы результаты изучения уникального для средневековой археологии Саяно-Алтая погребения взрослой женщины и новорожденного ребенка в сопровождении шкуры коня. Оно обнаружено в кургане 4 на площади могильника Саяны-Пограничное-4, входившего в зону проектируемого строительства железной дороги Кызыл – Курагино. Объем полученных в ходе раскопок материалов намного превышает рамки одной статьи, поэтому в отдельных публикациях было представлено детальное описание погребального устройства, рассмотрены гипотезы об этнокультур-

ной принадлежности памятника и приведена характеристика предметов из состава личного инвентаря [Амзараков и др., 2015; 2025]. Данная статья посвящена анализу типологически разнообразного предметного комплекса из состава конского снаряжения.

Результаты исследования

Крупные кости скелетов ребенка и женщины находились в непо потревоженном состоянии, однако первичный контекст расположения большинства предметов сопроводительного инвентаря оказался нарушен. Еще в процессе разбора каменного заполнения могильной ямы была обнаружена массивная позолоченная подвесная бронзовая бляха. Мелкие изделия – накладки и наконечники ремней оголовья коня – оказались частично перемещенными грызунами и вынесенными на достаточно большое расстояние за пределы могильной ямы в разветвленную систему подземных нор. Они были найдены в процессе полного разбора всех выявленных на площади кургана нор.

На первоначальных местах у черепа женского скелета были обнаружены бронзовые серьги со следами позолоты. Большинство крупных предметов находилось в районе ног. Среди них стремя, удила, псалии, скопление накладок на ремни и подвесные бляхи различных форм и размеров, железная подпружная пряжка (рис. 1, 1).

Часть крупных изделий из бронзы (бляхи, кольца на железных удилах и псалии) намеренно разрушена ударами тяжелого предмета, вероятнее всего, непосредственно в могильной яме, где были разрезаны и ремни конской упряжи. Это обстоятельство еще сильнее завуалировало первичный контекст расположения предметов и не позволило провести детальную реконструкцию системы украшений конской амуниции изделиями из художественного металла. Стоит отметить, что рядом с черепом и длинными костями ног лошади и скелетом ребенка не обнаружено ни одного изделия, все они были приурочены к телу умершей женщины.

Предметы снаряжения верхового коня. Обнаруженные в захоронении 78 предметов конского снаряжения можно разделить на приспособления для посадки всадника (седло, подпружная пряжка, стремяна), управления конем (удила и псалии) и украшения уздечного набора.

Седло. Деревянная основа седла в погребении не сохранилась. О его наличии свидетельствует ремонтное крепление, состоящее из двух железных пластин, соединенных пробоями. Крепление использовалось для стягивания треснувшей луки или полки седла (рис. 1, 6). Самостоятельного хронологического значения оно не имеет.

Подпружная пряжка прямоугольно-овальной формы с язычком на вертлюге (рис. 1, 5). По классификации Б. Б. Овчинниковой, она относится к группе *железные*, разряд *B*, раздел *I*, тип 2. Пряжки подобного типа связаны с определенной формой седла и в конском снаряжении древних тюрков Саяно-Алтая и Монголии появляются около VIII в. [Овчинникова, 1990, с. 121–122, рис. 49, 22–29].

В алтайских погребениях с конем три подпружные пряжки на вертлюге зафиксированы на могильнике Узунтал [Савинов, 1984, рис. 4, 2–4], две – в потревоженном захоронении женщины в кургане 2 на могильнике Юстыд XIV [Кубарев, 2005, табл. 44, 10, 45, 9]. У енисейских кыргызов пряжки с язычком на вертлюге были обнаружены в чаатасе за р. Ташебой и в составе Тюхтятского клада, что позволяет расширить хронологические рамки их использования до IX–X вв. [Евтюхова, 1948а, рис. 15, 136].

Стремяна (2 экз.) железные, с выделенной пластиной с прорезью для привязывания ремня-путища. Форма округлая, диаметр ок. 18 см, ширина закругленной подножки с отчетливо выраженной невлюрой 6,5 см. Морфологическое отличие между стремянами лишь в высоте пластин и наличии орнамента на одном из них (рис. 1, 2, 3). Парадное стремя (очевидно, левое) инкрустировано серебряной проволокой по железу в технике тауширования. Орнаментом с обеих сторон покрыты шейка стремени, дужки, внутренняя и внешняя стороны

подножки. При этом если форма стремени характерна для тюркских древностей, то орнамент является образцом китайского декоративного искусства, испытавшего влияние индийского и иранского художественных стилей. Небольшие по площади изображения на внутренней части подножки и части дужки со сложной, композиционно насыщенной орнаментацией (рис. 1, 3, 4). На наш взгляд, орнаментация саяно-пограничного стремени выполнена в стилистике «барокко периода позднего Тан».

Рис. 1. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган 4, погребение 1, погребальный инвентарь: 1 – расположение сопроводительного инвентаря; 2, 3 – железные стремена; 4 – стремя с прорисовкой декора; 5 – подпружная железная пряжка; 6 – ремонтное крепление седла; 7 – железные удила с бронзовыми позолоченными кольцами; 8 – бронзовые позолоченные псалии после реставрации

Fig. 1. Sayany-Pogranichnoye-4 burial ground. Mound 4, burial 1, grave goods: 1 – arrangement of accompanying goods; 2, 3 – iron stirrups; 4 – stirrup with decorative details; 5 – iron girth buckle; 6 – saddle repair fastening; 7 – iron horse bit with gilded bronze rings; 8 – gilded bronze cheekpieces after restoration

По классификации Б. Б. Овчинниковой, оба стремени из кургана 4 принадлежат к виду 2а. В степной полосе Евразии они были распространены в хронологическом диапазоне VI–IX вв., а на Саяно-Алтае существовали вплоть до XII в. Ссылаясь на наблюдения венгерского исследователя И. Диенеша, она отмечала, что именно стремяна вида 2а (крупные, тяжелые, «безопасные») были принадлежностью «знатных людей» и получили распространение у тюрков-тугу [Овчинникова, 1990, с. 108–109, 112, рис. 47, 1–4].

Развивая тезис о социальной значимости украшенных цветными металлами стремян с выделенной пластиной, отметим, что для территории Среднего Енисея и ближайших сопредельных регионов они составляют небольшую, но весьма показательную серию. С территории Минусинской котловины в нее входят стремя из тайника у кургана № 5 Уйбатского чаатаса [Евтюхова, 1948б, рис. 14, 16], стремяна из могилы 1 Ташебинского чаатаса и из кургана 5 могильника Капчалы I [Левашова, 1952, рис. 1, 40], стремя из д. Утинская [Кызласов, Король, 1990, рис. 26] и два из фондов Красноярского краевого краеведческого музея [Макаров, Баташов, 2007, с. 93]. В Тарбагатае (Восточный Казахстан) в прикладе погребально-поминального каганского комплекса Елеке сазы, датируемого в пределах середины VII – середины VIII в., было обнаружено несколько стремян, инкрустированных методом насечки (таушировки) растительными орнаментальными мотивами, образующими изобразительные ряды [Самашев, 2022, с. 178–179, рис. 7]. С территории Сухэ-Баторского аймака в Восточной Монголии происходит пара стремян с орнаментированными растительным орнаментом дужками [Батсайхан, Эрдэнэбилэг, 2015, с. 178]. Украшенное растительной орнаментацией стремя входило в состав погребального инвентаря захоронения знатного воина из могильника Балык-Соок I в Горном Алтае [Кубарев, 2024, с. 100, рис. 3, 1–4].

Удила железные, с витыми соединенно-кольчатыми звеньями, заканчивающимися двумя кольцами, расположенными под углом 90° относительно друг друга. В меньшие из них вставлены бронзовые кольца для повода (рис. 1, 7). Химический анализ бронзовых колец показал высокое содержание олова и свинца.

По классификации Б. Б. Овчинниковой, удила относятся к разделу II, отделу Б, типу 9. Оценивая сложность изготовления, она предположила, что витые звенья были изготовлены в результате сгиба и перевитости одного прута [Овчинникова, 1990, с. 93, рис. 41, 21]. Существует мнение, что витые удила появляются во второй половине II тыс. до н. э. И. Л. Кызласов отметил, что на территории Хакасии они были широко распространены в IX–X вв., но уже «в XI в. представляют большую редкость». При этом в Южной Сибири развитие форм стержней шло от витых к гладким, и основу генезиса составляли витые стержни с развернутыми в разных плоскостях кольцами на их окончании [Кызласов, 1983, с. 26, рис. 5, 2; табл. II, 9].

Псалии (2 экз.) бронзовые литые позолоченные, цельные со щитком для нащечного ремня узды, имеющим два отверстия, длина стержня S-видной формы 17,0 см, сечение овальное. Одна из них с сапожковидным завершением, вторая с простым завершением. Обе псалии сломаны на две-три части, включая отломленные щитки (рис. 1, 8). Форма псалий соответствует изделиям VIII–IX вв., однако материал для этого времени архаичен. Рассматривая взаимосвязь стремян с выделенными пластинами с элементами управления конем, Б. Б. Овчинникова отметила, что они входили в набор со всеми типами удил, однако S-видные и прямые псалии могли быть только железными [Овчинникова, 1990, с. 112]. Саяно-пограничный комплект является, на наш взгляд, редким, если не единственным в Южной Сибири сочетанием железных витых удил с бронзовыми позолоченными псалиями.

Помимо удил, управление конем осуществлялось с помощью упряжи, состоящей из оголовья, повода и, судя по большому количеству металлических украшений, нагрудника (ремня, охватывающего грудь лошади и соединенного с полками седла и подпругой). Тройники в уздечный комплект саяно-пограничного захоронения не входили.

Декоративно-функциональные детали упряжи.

Пряжки – 4 экз., из них три однотипные: бронзовые позолоченные, цельнолитые, овально-рамчатые, с неподвижным прямоугольным коротким щитком, имеющим мысовидное окончание. Размеры $3,4 \times 2,3$ см, железные язычки утеряны, сохранились фрагменты кожаных ремней, к которым пряжки крепились с помощью шпеньков и тонкой бронзовой подложки (рис. 2, 1–3).

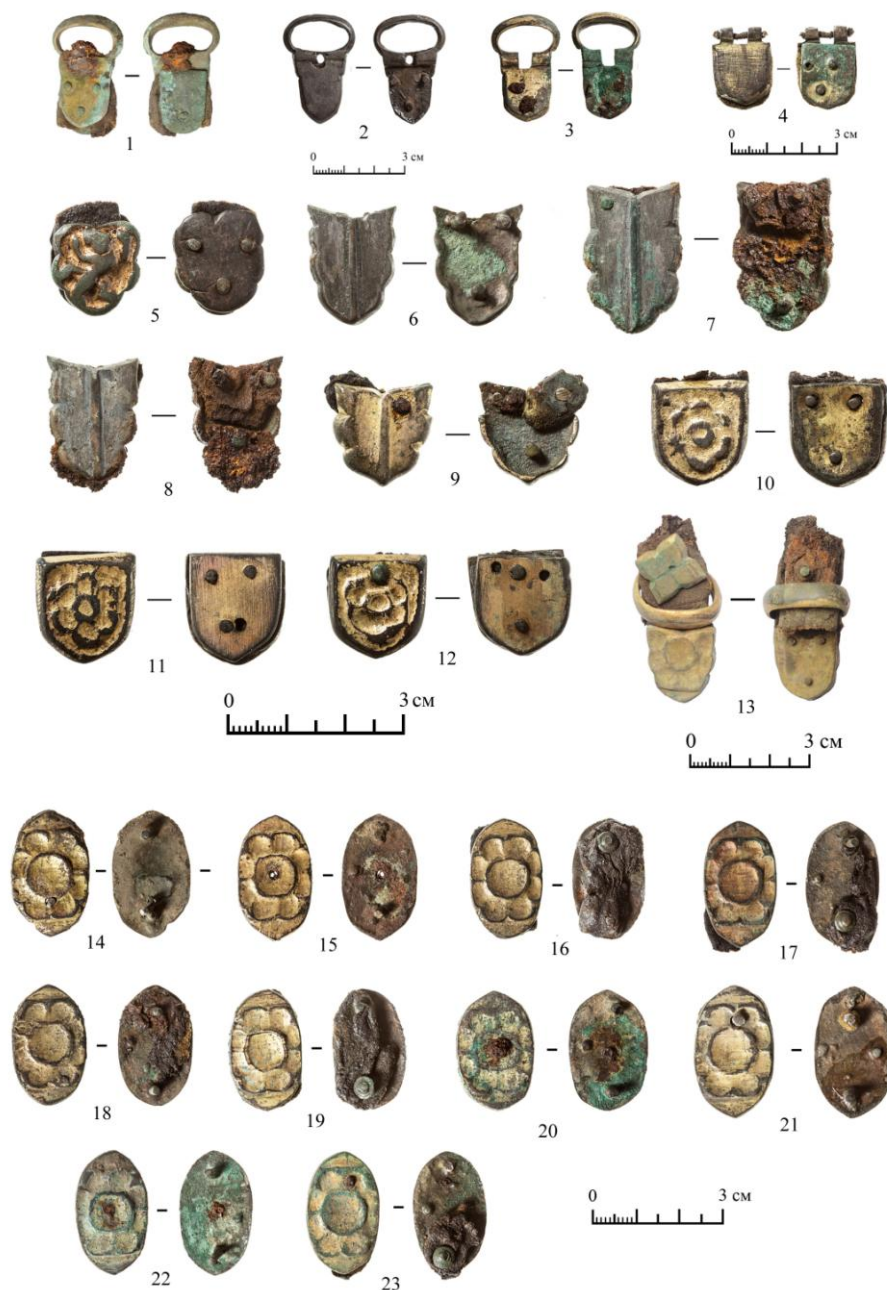

Рис. 2. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган 4, погребение 1, украшения сбруи:
1–4 – бронзовые позолоченные пряжки; 5–13 – бронзовые позолоченные наконечники ремней;
14–23 – бронзовые позолоченные накладки

Fig. 2. Sayany-Pogranichnoye-4 burial ground. Mound 4, burial 1, harness decorations:
1–4 – gilded bronze buckles; 5–13 – gilded bronze belt tips; 14–23 – gilded bronze overlays

Б. Б. Овчинникова выделяет подобные пряжки в тип 10, вариант б и относит их к VII – началу IX в. По ее мнению, в Саяно-Алтае они массово встречаются в древнетюркских захоронениях с конем, но в качестве поясных применялись довольно редко [Овчинникова, 1990, с. 26, 28, рис. 22, 28, 29]. В саяно-пограничном погребении 4 все три пряжки обнаружены рядом с конской гарнитурой, но напрямую связать их с ремнями оголовья или узды не представляется возможным. Варианты их использования могут быть разные. Отметим, что в джаргалантинском кургане 2 «две бронзовые пряжечки и ременной наконечник» были найдены у левого стремени погребенной лошади, и это указывает на то, «что стремя не было закреплено, а его можно было подтягивать или удлинять по мере надобности» [Евтюхова, 1957, с. 216].

Четвертая пряжка (рамка и язычок утеряны) относится к другому типу. Она также бронзовая позолоченная, но с подвижным щитком – прямоугольным коротким, с мысовидным концом, его размеры 1,7 × 1,9 см (рис. 2, 4).

Наконечники ремней (9 экз.) разнообразны по форме и орнаментации. Бронзовые позолоченные, небольшие по размерам, изготовлены методом техники ручного тиснения (басма), крепились на концах ремней при помощи шпеньков и подложки в виде пластины или шайбы (шпеньковый способ) (рис. 2, 5–13). Выделяется наконечник индивидуальной формы (подовально-пятиугольный), прикрепленный к ремню с помощью трех шпеньков и бронзовой подложки. Лицевая сторона украшена плохо различающейся низкорельефной фигурой животного на позолоченном фоне (рис. 2, 5). Точные аналогии нам не известны, можно лишь отметить, что стилистика изображения близка к рельефному рисунку на одной из сбруйных блях (рис. 4, 5).

Четыре «фестончатых» бронзовых наконечника с вертикальным ребром по центру и железной подложкой (рис. 2, 6–9) (по Б. Б. Овчинниковой – тип 4, зубчатые с мысовидным завершением) входят в один декоративный ансамбль с накладными бляхами (рис. 3). Б. Б. Овчинникова отметила, что в разных регионах концевики подобной формы датируются в пределах второй половины VII – начала VIII в. [Овчинникова, 1990, с. 89, рис. 40, 23].

Еще четыре бронзовых позолоченных наконечника имеют прямой верхний край и мысовидное завершение. Всю центральную часть занимает низкорельефное изображение шестилепестковой цветочной розетки (рис. 2, 10–13). Благодаря подложкам сохранились фрагменты кожи. Особенно хорошо система крепления прослеживается на наконечнике с четырехлепестковой бляшкой на длинном шпеньке, которая вместе с бронзовой обоймой жестко фиксировала соединение ремней (рис. 2, 13).

Накладные бляхи овальной формы (10 экз.) бронзовые позолоченные, размеры 2,8 × 1,7 см. Изготовлены методом техники ручного тиснения, крепились на уздечных ремнях при помощи двух шпеньков. Центральную часть лицевой стороны занимает низкорельефное изображение восьмилепесткового цветка (рис. 2, 14–23). Аналогичный технический прием и художественный мотив прослеживается на вышеописанных наконечниках ремня с шестилепестковым цветком, что позволяет считать, что все они происходят из одной мастерской.

В близкой стилистической манере изготовлены 18 четырехлепестковых накладок на уздечный набор из Копенского чаатаса [Евтюхова, 1948а, рис. 42], украшения «парадного сбруйного набора верхового коня средневекового аристократа» из клада, обнаруженного у с. Катюшкино в Республике Хакасия [Бородовский, Оборин, 2019, с. 336–337, рис. 1, 1, 2, 4, 4, 1, 2, 4] и бляхи из древнетюркского погребения в кургане 29 могильника Юстыд XII [Кубарев, 2005, рис. 21, табл. 31, 1–3, 5–7].

Накладные фестончатые бляхи вытянутой лепестковидной формы (24 экз.) бронзовые, размеры 3,0–3,5 × 1,5 см. Изготовлены методом техники ручного тиснения, и, судя по размерам и качеству исполнения, для этого применялось не менее двух матриц. На ремнях бляхи крепились при помощи двух-трех шпеньков, железных подложек и шайб. Лицевая сторона разделена по вертикали рельефной полосой (см. рис. 3). Близкие аналогии, выполненные из золота и серебра, встречаются в различных регионах Южной Сибири и в Забайкалье (па-

мятники хойцгорской культуры IX–X вв.) [Овчинникова, 1990, с. 88, рис. 40, 26–28]. Отметим находку фестончатых блях «довольно грубого литья» в Копенском чаатасе [Евтюхова, 1948а, с. 38, рис. 58]. В контексте анализа всего саяно-пограничного предметного комплекса особый интерес представляют находки из рассмотренного выше погребения в кургане 2 на могильнике Джаргаланты в Монголии [Евтюхова, 1957, с. 215, рис. 5, 5], погребений Горного Алтая и Тувы. В кургане 28 могильника Юстыд XII [Кубарев, 2005, табл. 28, 1, 3–5, 35, 3] 10 золотых фестончатых блях украшали сбрую коня в погребении 30-летнего «знатного тюрка» в кургане МТ-57-XXVI в Монгун-Тайге [Грач, 1960, рис. 27].

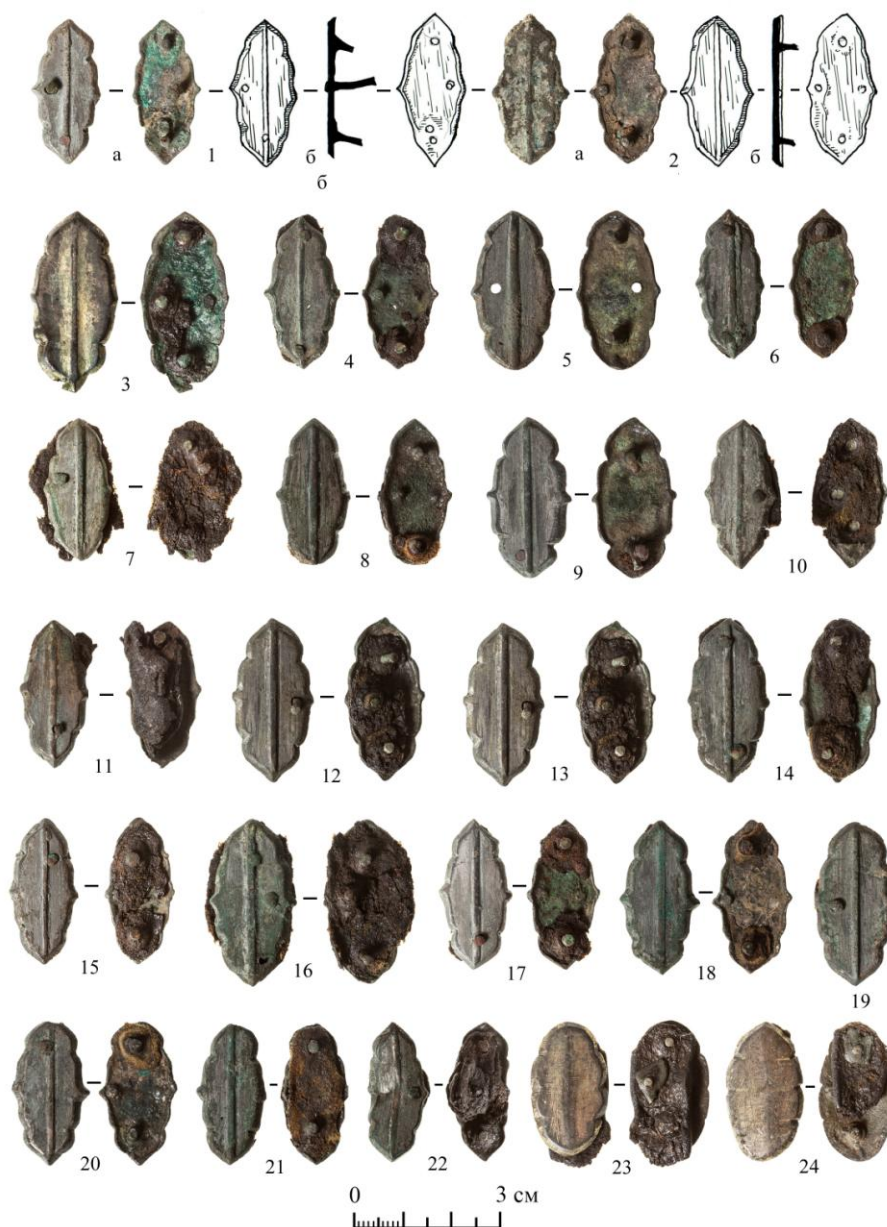

Рис. 3. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган 4, погребение 1, украшения сбруи:
1–24 – бронзовые фестончатые накладки

Fig. 3. Sayany-Pogranichnoye-4 burial ground. Mound 4, burial 1, harness decorations:
1–24 – bronze fist-shaped overlays

Подвесные бляхи (9 экз.) бронзовые, литые, гладкие и орнаментированные. Размеры от 7,4 × 6,1 до 6,1 × 3,5 см, при толщине 2–3 мм. Форма листовидная, хотя зачастую ее определяют как сердцевидную.

Гладкие бляхи (4 экз.) плоские, луженые, с округлой петлей для подвешивания, по краям разрывы (рис. 4, 1–4). В Минусинской котловине наиболее представительная серия из семи гладких блях обнаружена в кыргызском кургане 1 могильника Капчалы I [Левашова, 1952, с. 128, рис. 1, 28, 29]. Другой крупный набор (19 экз.) «кресаловидных» и «сердцевидных» блях происходит из Кузнецкой котловины. Они обнаружены в погребениях с кремациями и в жертвенных комплексах некрополя IX в. н. э. Ваганово I (курганы № 2, 5 и 7) [Бобров и др., 2010, с. 45, рис. 31, 18, 36, 37, 40, 42, 37, 5, 52, 1–5, 30–38]. Дополняют эту коллекцию находки пяти массивных бронзовых блях из могильника Сапогово (курганы № 13, 16 и 19) [Илюшин и др., 1992, с. 24, рис. 35, 17, 42, 13, 49, 13, 14, 51, 32].

Рис. 4. Могильник Саяны-Пограничное-4. Курган 4, погребение 1, украшения сбруи:
1–4 – бронзовые луженые подвески; 5–9 – бронзовые позолоченные орнаментированные подвески

Fig. 4. Sayany-Pogranichnoye-4 burial ground. Mound 4, burial 1, harness decorations:
1–4 – tinned bronze pendants; 5–9 – gilded bronze ornamented pendants

Б. Б. Овчинникова, выделив гладкие листовидные бляхи в тип *Б*, отметила, что в Южной Сибири они встречаются в погребениях, совершенных по обряду трупосожжения, а в погребениях с конем они известны только в Монголии [Овчинникова, 1990, с. 88, рис. 40, 14]. Очевидно, к этому списку следует добавить и погребения со шкурой коня из Усинской котловины.

Орнаментированные бляхи (5 экз.) позолоченные, разбиты на несколько частей, на четырех изделиях петли для подвеса обломаны. Среди них выделяется рельефная бляха с утраченными частями. На покрытую мелкими пуансонами центральную зону нанесено изображение двух изогнутых в прыжке кошачьих хищников. Размеры $6,5 \times 4,5$ см, толщина до 3 мм (рис. 4, 5). У двух идентичных блях (рис. 4, 6, 7) центральную часть занимает рельефное изображение лепесткового цветка, в который вписан в оттиск шестиугольника. Размеры $6,5 \times 5,4$ см, толщина до 2 мм. От четвертой бляхи сохранился крупный фрагмент с рельефным желобком по краю и рисунком, напоминающим крупное соцветие цветка. Размеры $5,5 \times 4,8$ см, толщина до 2 мм (рис. 4, 8). Пятая бляха с объемными изображениями двух оппозитных кошачьих хищников (судя по наличию грив и кисточек на хвостах, – львов), расположенных сверху и снизу. Хищник в нижней позиции повернул голову к верхнему, поза которого передана в прыжке с раскинутыми лапами (рис. 4, 9).

Подчеркивая особенности подвесных орнаментированных блях, отметим, что в тайнике, обнаруженном в центральной части кургана № 6 Копенского чаатаса, находилось 13 экз. подвесных блях листовидной формы с вырезанными краями, «отделанными рельефным спирально-растительным узором», и с изображением «разъяренных львов» [Киселев, 1951, с. 586–587, табл. LVII, 9]. Предметы из тайника Копенского чаатаса имеют практически детальное совпадение с украшениями седла и сбруи из катюшкинского клада [Бородовский, Оборин, 2019, с. 338–339, рис. 1, 8, 3].

Ни у кого из исследователей не вызывает сомнений принадлежность крупных блях к украшению конской упряжи. Для Южной Сибири нам известен лишь один случай, когда посеребренная подвеска была использована в качестве украшения человека [Савинов и др., 1988, с. 98, рис. 12, 6].

Материалы саяно-пограничного погребения, включающие яркие и неординарные предметы, содержат потенциальные возможности для выбора самых разных исследовательских направлений. В контексте задач данной статьи остановимся на вопросах гипотетической реконструкции расположения украшений на конской узде.

В разные годы исследователями были предложены различные варианты реконструкции уздечного набора. Л. А. Евтюхова отмечала, что по расположению бляшек на сбруе северной лошади из могилы 2 могильника Джаргаланты хорошо прослеживается общая схема ее убранства [Евтюхова, 1957, с. 215, рис. 5, 4]. Барнаульские исследователи пришли к выводу, что максимальный набор украшений из подвесных блях мог состоять из 13 экз., а с учетом налобной подвески из 14 экз. Реконструируя расположение украшений на оголовье и нагруднике из могильника Джаргаланты, они представили схему, на которой на налобный ремень помещали три бляхи листовидной формы: крупная в центре и две по краям налобного ремня на уровне глаз лошади. На нагруднике подвешивалось пять блях: одна по центру и по две по бокам. Графические и скульптурные изображения тюркских всадников из китайских памятников VII–VIII вв. позволяют отметить ситуации, при которых украшались суголовье и нагрудник или суголовье и накрупник. Подобная схема могла быть заимствована тюрками в Китае в эпоху Второго Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.) [Горбунова, Тишкин, 2005, с. 46–48, рис. V, 2].

Опираясь на наблюдения коллег, мы можем предположить, что, помимо небольших накладных бляшек овальной и фестончатой формы и наконечников ремней, оголовье узды из саяно-пограничного погребения украшало четыре подвесные позолоченные орнаментированные бляхи: три на налобном ремне (одна с изображением животных в центре и две парные по сторонам от нее) (рис. 4, 5–7) и одна на наносном ремне (рис. 4, 8). На нагруднике

помещалось пять блях: одна со львами по центру и по сторонам от нее по две гладких луженых (рис. 4, 1–4, 9). При этом мы не исключаем, что возможны и другие варианты реконструкции.

Хронология предметного комплекса определялась по данным сравнительно-типологического и радиоуглеродного методов датирования.

Что касается сбруйных украшений, то для копенских блях предложены временные рамки VI–VIII вв. [Киселев, 1951, с. 586–587]. Погребение в Джаргаланты датировано VII–VIII вв., однако с учетом всего предметного комплекса, включая монеты, может быть отнесено к VIII–IX вв. [Евтюхова, 1957, с. 215]. Время существования конских украшений из алтайских памятников приходится на второй период древнетюркской культуры (период Б, начинающийся с VII в.), а в Кузнецкой котловине ограничено IX в. [Тишкин, Горбунова, 2003, с. 60; Бобров и др., 2010, с. 45].

На наш взгляд, наиболее обоснованна точка зрения Д. Г. Савинова, включившего гладкие листовидные бляхи, найденные в Монголии, Минусинской котловине и Приобье, в ранний древнетюркский предметный комплекс. Бляхи, украшавшие нагрудный и подшейный ремни, по его мнению, появились у населения Южной Сибири в VIII–IX вв. [Савинов, 1984, с. 39, табл. IV, 13, V, 9, XI, 16].

Сложнее определить точное время бытования витых удиц в комплекте с бронзовыми псалями. Если витые удила встречаются с VII в., а на территории Минусинской котловины «господствуют в IX–X вв.», то в XI в. они «представляют большую редкость» [Кызласов, 1983, с. 26]. На наш взгляд, бронзовые позолоченные псалии служат примером использования ритуальной архаики. Их включение в один комплект с витыми удилами с позолоченными кольцами можно рассматривать как желание соблюсти единство стиля в оформлении «золотой узды».

Таким образом, рассмотренные аналогии позволяют отнести предметный комплекс из рассматриваемого нами погребения к VIII–X вв. Однако существенную корректировку в эту датировку вносят данные радиоуглеродного анализа, согласно которым с вероятностью 93,3 % захоронение женщины и ребенка могло произойти в период с 862 по 1224 гг. Даже с учетом ранней даты это на 22 года позднее завершения военного противостояния кыргызов и уйгуров.

Объяснения этого могут быть различными, включая и то, что известные по китайским летописям уйгуры не хоронили своих умерших в сопровождении шкуры коня [Амзараков и др., 2015, с. 158–159]. В то же время источники сообщают, что часть уйгурских войск и кочевий во главе с Кулуг Багом перешла на сторону кыргызов и во многом обеспечила их победу. Благодаря этому уйгурская элита, оставшись на территории Тувы после 840 г., смогла сохранить за собой ведущее место в социальной иерархии Кыргызского каганата. Вероятно, с этими событиями можно связать последующее проживание на территории Тувы различных родовых групп, носителей таких этнонимов и эпонимов, как кыргыз, уйгур, он-уйгур, ондар-уйгур, кара-уйгур [Потапов, 1983, с. 200].

Практически весь набор предметов снаряжения коня саяно-пограничного погребения обладал наибольшей престижностью в кочевом обществе. Изделия из золота, которое во все времена является социальным маркером, отсутствуют. Однако украшения и большинство деталей убранства коня изготовлены методами тауширования серебром и огневого золочения, относящимися к престижным технологиям. При всей яркости и некоторой «парадности» они типичны для материальной культуры древних тюрков и обладают всеми признаками транскультурного предметного комплекса. Возможно, часть вещей не использовалась в повседневной жизни, а являлась подношениями умершей, извлеченными из семейной или родовой сокровищницы. Оценивая инвентарь в качестве социально значимого показателя, мы можем отнести женщину и ребенка, погребенных в могиле 4, к представителям высшей аристократии. Их посмертная социальная идентичность ассоциативно сохранялась посредством ценного для семьи и дорогого для того времени предметного набора, который в ходе погребения

бального обряда был преднамеренно разрушен. В литературе можно встретить различные объяснения подобной ритуальной практики: от желания уберечь захоронение от разграбления до веры в то, что сломанная вещь – это мертвая вещь, предназначенная для покойного. Разрушение конской узды привело к стиранию символической границы между профанным и сакральным содержанием этого предмета.

Заключение

По данным радиоуглеродного анализа, датировка захоронения женщины с ребенком в кургане 4, совершенного по обряду труположения со шкурой коня, имеет излишне широкие хронологические рамки (IX–XIII вв.). Учитывая многочисленные и очень близкие аналогии среди материалов древнетюркских памятников Саяно-Алтая и Монголии VIII–X вв., они могут быть сужены до второй половины IX – X в. (но не ранее 862 г.). При этом имеющий архаичный облик сопроводительный инвентарь, переживший время своего расцвета в VIII–IX вв., может быть намного старше своих «владельцев». В первую очередь это относится к «семейной реликвии», представленной полным комплектом снаряжения верхового коня.

Несмотря на неординарность, инвентарь из саяно-пограничного погребения является частью транскультурного предметного комплекса, составляющего «вещный мир» привилегированных слоев древнетюркского общества. Причем находки в мужских и женских захоронениях типологически близких наборов позволяют считать их гендерно нейтральными. Они не содержат каких-либо бесспорных этнических индикаторов, указывающих на принадлежность носителей обряда погребения со шкурой коня к уйгурской или тогуз-огузской этнополитической конфедерации. Наряду с находкой в могильнике Койбалы I конского снаряжения и позолоченных серебряных серег, интерпретированных как изображение богини Умай [Скобелев, 1990], предметный комплекс из Саяно-Пограничное-4 можно считать эталонным для выделения в Саяно-Алтае элитных погребений в сопровождении шкуры коня.

Список литературы

- Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Митько О. А., Поляков А. В.** Этнокультурная принадлежность средневекового захоронения со шкурой коня в долине реки Иджим в Западном Саяне // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 7: Археология и этнография. С. 151–164.
- Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В., Митько О. А.** Позолоченные серьги и предметы личного обихода из средневекового погребения на реке Иджим (Западный Саян, Усинская котловина) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 3: Археология и этнография. С. 115–129. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-3-115-129
- Бобров В. В., Васютин А. С., Онищенко С. С.** Вагановский курганный некрополь IX в. н. э. в Присалаирье. Кемерово: ИНТ, 2010. 276 с.
- Бородовский А. П., Оборин Ю. В.** Средневековый клад конской упряжи из Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. Т. 25. С. 336–344.
- Горбунова Т. Г., Тишкин А. А.** Реконструкция парадной экипировки верховных лошадей тюркских воинов // Эколого-географические, археологические и социозтнологические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. С. 38–53.
- Грач А. Д.** Археологические раскопки в Монгун-Тайге и в Центральной Туве (Полевой сезон 1957 г.) // Тр. ТКАЭЭ. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. С. 7–72.

- Евтюхова Л. А.** Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Сов. Хакасия, 1948а. 109 с.
- Евтюхова Л. А.** Стремя танской эпохи из Уйбатского чаатаса // КСИИМК. 1948б. Вып. 23. С. 40–44.
- Евтюхова Л. А.** О племенах Центральной Монголии // СА. 1957. № 2. С. 205–227.
- Илюшин А. М., Сулейменов М. Г., Гузь В. Б., Стародубцев А. Г.** Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск: НГУ, 1992. 128 с.
- Киселев С. В.** Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.
- Кубарев Г. В.** Культура древних тюрков Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Кубарев Г. В.** Орнаментированное стремя из элитного раннесредневекового погребения в Балык-Сооке (Центральный Алтай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 2. С. 98–109.
- Кызласов И. Л.** Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 126 с.
- Кызласов Л. Р., Король Г. Г.** Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Левашова В. П.** Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. 1952. № 24. С. 121–136.
- Макаров Н. П., Баташов М. С.** История и культура Приенисейского края: Учеб. пособие. Красноярск: СФУ, 2007. 246 с.
- Овчинникова Б. Б.** Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: УрГУ, 1990. 223 с.
- Потапов Л. П.** Древнеуйгурские элементы в традиционной культуре алтае-саянских народов // Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 189–202.
- Савинов Д. Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.
- Савинов Д. Г., Павлов П. Г., Паульс Е. Д.** Раннесредневековые впускные погребения на юге Хакасии // Памятники археологии в зонах мелиорации Южной Сибири. Л.: Наука, 1988. С. 83–103.
- Самашев З. С.** Образ тюркского кагана в торевтике малых форм (по материалам культово-поминального комплекса Елеке сазы в Восточном Казахстане) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 4 (34). С. 163–190.
- Скобелев С. Г.** Подвески с изображением древнетюркской богини Умай // СА. 1990. № 2. С. 226–233.
- Тишкин А. А., Горбунова Т. Г.** Техничко-морфологические и этнокультурные особенности украшения конской амуниции раннесредневековых кочевников Алтая // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2003. Т. 2, № 3: Археология и этнография. С. 57–63.
- Батсайхан Ц., Эрдэнэбилэг Ч.** Лучшие произведения традиционного искусстваковки железа [Уламжлалт ган төмөр урлалын шилдэг бүтээлүүд]. Улан-Батор: Мөнхийн Үсэг, 2015. 245 с. (на монг. яз.)

References

- Amzarakov P. B., Lazaretov I. P., Mitko O. A., Polyakov A. V.** Etnokul'turnaya prinadlezhnost' srednevekovogo zakhoroneniya so shkuroi konya v doline reki Idzhim v Zapadnom Sayane [Ethno-Cultural Attribution of the Medieval Burial with Horse Skin from the Idzhim River Valley in the Western Sayan]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 7: Archaeology and Ethnography, pp. 151–164. (in Russ.)
- Amzarakov P. B., Lazaretov I. P., Poliakov A. V., Mitko O. A.** Pozolochennye ser'gi i predmety lichnogo obikhoda iz srednevekovogo pogrebeniya na reke Idzhim (Zapadnyi Sayan, Usinskaya kotlovina) [Gold-Plated Earrings and Personal Items from a Medieval Burial on the Idzhim River (Western Sayan, Usinsk Basin)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*,

2025, vol. 24, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 115–129. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-3-115-129

- Batsaikhan Ts., Erdenebileg Ch.** The Best Works of the Traditional Art of Iron Forging [Уламжлалт ган төмөр урлалын шилдэг бүтээлүүд]. Ulaanbaatar, The Eternal Letter [Мөнхийн Үсэг], 2015, 245 p. (in Mong.)
- Bobrov V. V., Vasyutin A. S., Onishchenko S. S.** Vaganovskii kurgannyi nekropol' IX v. n. e. v Prisalair'e [Vaganovsky Mound Necropolis of the 9th Century AD in the Salair Region]. Kemerovo, 2010, 276 p. (in Russ.)
- Borodovsky A. P., Oborin Yu. V.** Srednevekovyi klad konskoi upryazhi iz Khakasii [Medieval Hoard of horse Harness from Khakassia]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of archeology, ethnography, and anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2019, vol. 25, pp. 336–344. (in Russ.)
- Evyukhova L. A.** Arkheologicheskie pamyatniki eniseiskikh kyrgyzov (khakasov) [Archaeological Sites of the Yenisei Kyrgyz (Khakass)]. Abakan, Khakass Research Inst. of Language, Literature and History, 1948, 109 p. (in Russ.)
- Evyukhova L. A.** O plemenakh Tsentral'noi Mongolii v IX v. [About a Tribe in Central Mongolia in the 9th Century]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1957, no. 2, pp. 205–227. (in Russ.)
- Evyukhova L. A.** Stremya tanskoi epokhi iz Uibatskogo chaatasa [Stirrup of the Tang Era from Uybatsky Chaatas]. *KSIIMK* [Brief Reports from the Institute of the History of Material Culture], 1948, iss. 23, pp. 40–44. (in Russ.)
- Gorbunova T. G., Tishkin A. A.** Rekonstruktsiya paradnoi ekipirovki verkhovnykh loshadei tyurkskikh voynov [Reconstruction of the Ceremonial Equipment of the Riding Horses of Turkic Warriors]. In: Ekologo-geograficheskie, arkheologicheskie i sotsioetnologicheskie issledovaniya v Yuzhnoi Sibiri i Zapadnoi Mongolii [Ecological-Geographical, Archaeological and Socioethnological Studies in Southern Siberia and Western Mongolia]. Barnaul, AltSU Press, 2005, pp. 38–53. (in Russ.)
- Grach A. D.** Arkheologicheskie raskopki v Mongun-Taige i v Tsentral'noi Tuve (Polevoi sezon 1957 g.) [Archaeological Excavations in Mongun-Taiga and Central Tuva (Field Season 1957)]. In: Trudy TKAEE [Proceedings of TKAEE]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1960, vol. 1, pp. 7–72. (in Russ.)
- Ilyushin A. M., Suleimenov M. G., Guz V. B., Starodubtsev A. G.** Mogil'nik Sapogovo – pamyatnik drevnetyurkskoi epokhi v Kuznetskoi kotlovine [Sapogovo Burial Ground – A Monument of the Ancient Turkic Era in the Kuznetsk Basin]. Novosibirsk, NSU Press, 1992, 128 p. (in Russ.)
- Kiselev S. V.** Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri [Ancient History of Southern Siberia]. Moscow, Leningrad, Institute of Archaeology AS USSR, 1951, 643 p. (in Russ.)
- Kubarev G. V.** Kul'tura drevnikh tyurok Altaya (po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov) [The Culture of Ancient Turks of Altai (Based on Funerary Monuments)]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2005, 400 p. (in Russ.)
- Kubarev G. V.** Ornamentirovannoe stremya iz elitnogo rannesrednevekovogo pogrebeniya v Balyk-Sooke (Tsentral'nyi Altai) [Ornamented Stirrup from the Elite Early Medieval Burial at Balyk-Sook (Central Altai)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2024, no. 2, pp. 98–109. (in Russ.)
- Kyzlasov I. L.** Askizskaya kul'tura Yuzhnoi Sibiri X–XIV vv. [Askiz Culture of Southern Siberia 10th – 14th Centuries]. Moscow, Nauka, 1983, 126 p. (in Russ.)
- Kyzlasov L. R., Korol G. G.** Dekorativnoe iskusstvo srednevekovykh khakasov kak istoricheskii istochnik [Decorative Art of Medieval Khakasses as a Historical Source]. Moscow, Nauka, 1990, 216 p. (in Russ.)

- Levashova V. P.** Dva mogil'nika kyrgyz-khakasov [Two Burial Grounds of the Kyrgyz-Khakas]. *MIA [Materials and Research on Archeology]*, 1952, no. 24, pp. 121–136. (in Russ.)
- Makarov N. P., Batashov M. S.** Istoriya i kul'tura Prieniseiskogo kraya [History and Culture of the Yenisei Region]. Study Guide. Krasnoyarsk, SFU Press, 2007, 246 p. (in Russ.)
- Ovchinnikova B. B.** Tyurkskie drevnosti Sayano-Altaya v VI–X vekakh [Turkic Antiquities of Altai and Sayan Regions of the 6th – 10th Centuries]. Sverdlovsk, UrSU Press, 1990, 223 p. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Drevneuigurskie elementy v traditsionnoi kul'ture altae-sayanskikh narodov [Ancient Uighur Elements in the Traditional Culture of the Altai-Sayan Peoples]. In: Actual Problems of Soviet Uighur Studies. Alma-Ata, Nauka, 1983, pp. 189–202. (in Russ.)
- Samashev Z.** Obraz tyurkskogo kagana v torevtike malykh form (po materialam kul'tovo-pominal'nogo kompleksa Yeleke sazy v Vostochnom Kazakhstane) [The Image of the Turkic Kagan in Small Forms Toreutics (Based on Materials of the Cult-Memorial Yeleke Sazy Complex in Eastern Kazakhstan)]. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy [Theory and Practice of Archaeological Research]*, 2022, no. 34 (4), pp. 163–190. (in Russ.)
- Savinov D. G.** Narody Yuzhnoi Sibiri v drevnetyurkskuyu epokhu [The Peoples of South Siberia in the Old Turkic Epoch]. Leningrad, LSU Press, 1984, 174 p. (in Russ.)
- Savinov D. G., Pavlov P. G., Pauls E. D.** Rannesrednevekoveye vpusknye pogrebeniya na yuge Khakasii [Early Medieval Inlet Burials in the South of Khakassia]. In: Pamyatniki arkheologii v zonakh melioratsii Yuzhnoi Sibiri [Archaeological Monuments in the Melioration Zones of Southern Siberia]. Leningrad, Nauka, 1988, pp. 83–103. (in Russ.)
- Skobelev S. G.** Podveski s izobrazheniem drevnetyurkskoi bogini Umai [Pendant with Ancient Turkic Goddess Umai]. *Sovetskaya arkheologiya [Soviet Archaeology]*, 1990, no. 2, pp. 226–233. (in Russ.)
- Tishkin A. A., Gorbunova T. G.** Tekhniko-morfologicheskie i etnokul'turnye osobennosti ukrasheniya konskoi amunitsii rannesrednevekovykh kochevnikov Altaya [Technological, Morphological and Ethnocultural Features of Horse Harness Decoration of Early Medieval Altai Nomads]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2003, vol. 2, no. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 57–63. (in Russ.)

Информация об авторах

Петр Борисович Амзараков

Игорь Павлович Лазаретов, кандидат исторических наук

Андрей Владимирович Поляков, доктор исторических наук

Олег Андреевич Митько, кандидат исторических наук

Information about the Authors

Petr B. Amzarakov

Igor P. Lazaretov, Candidate of Sciences (History)

Andrei V. Poliakov, Doctor of Sciences (History)

Oleg A. Mitko, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 16.10.2025;
одобрена после рецензирования 15.12.2025; принята к публикации 15.12.2025
The article was submitted on 16.10.2025;
approved after reviewing on 15.12.2025; accepted for publication on 15.12.2025*